

НАШ СОВРЕМЕННОК



ОСНОВАН А. М. ГОРЬКИМ В 1933 ГОДУ

Литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

2 ФЕВРАЛЬ
1 9 8 6

Главный редактор
С. В. ВИКУЛОВ

Редакционная
коллегия:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. Е. БРАГИН
(зав. отделом очерка
и публицистики),
И. А. ВАСИЛЬЕВ,
Т. И. ИВАНОВА
(зав. отделом критики),
О. К. КОЖУХОВА,
В. И. КОРОБОВ,
А. Г. КУЗЬМИН.
С. М. ЛУКОНИН
(ответственный
секретарь),
И. И. ЛЯПИН,
В. И. МУССАЛИТИН
(заместитель главного
редактора),
Е. И. НОСОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Г. В. СЕМЕНОВ,
Г. В. СЕРЕБРЯКОВ,
Г. Н. ТРОПОЛЬСКИЙ,
Л. А. ФРОЛОВ,
А. И. ХВАТОВ,
Н. Е. ШУНДИК.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА», МОСКВА

© «Наш современник» № 2

Иван ДРОЗДОВ

ТАЙНЫ ТРЕЗВОГО ЧЕЛОВЕКА

ФЕНОМЕН ШИЧКО



ЛЕНИНГРАДСКОМ психофизиологе Геннадии Андреевиче Шичко ходят легенды. Человек с виду вроде бы незаметный, он будто бы обладает удивительной способностью переубеждать людей. Одна-две беседы, и пьяница становится трезвенником.

Как-то в разговоре с академиком Федором Григорьевичем Угловым я спросил о Шичко: правду ли говорят и пишут о его необыкновенном даре?..

— Встречаться с ним не приходилось, — сказал Углов, — но слышал о нем не однажды. Геннадий Андреевич много лет — пожалуй, лет тридцать — трудится в НИИ экспериментальной медицины, ведет там группу ученых. Помнится, лет десять назад читал его монографию о рефлексах — Шичко исследовал вторую сигнальную систему и ее физиологические механизмы. Работа любопытная: много новых и смелых мыслей, интересные наблюдения. Жаль, что монография мало известна в медицинском мире.

— Ну, а пьяниц... действительно излечивает?

Федор Григорьевич скептически улыбнулся, пожал плечами — видно, и сам не очень-то верил в это.

Через несколько лет я, оказавшись в Ленинграде, вновь побывал у Углова. За ужином снова зашел разговор о Шичко. Федор Григорьевич показал пачку материалов: одни были отпечатаны на машинке, другие представляли собой публикации в газетах и журналах. И все о Шичко, о клубе трезвости, созданном им.

— По-моему, он первый у нас, — говорил Углов. — Иститутское начальство, как мне рассказывали, не одобряло его затеи, а кое-кто и смеялся над ним. Но он упрямый!.. — Федор Григорьевич на секунду задумался и вдруг предложил: — Хотите побывать у него?..

Вечером следующего дня отправились в гости к Геннадию Андреевичу.

Живут Шичко в небольшой квартире вдвоем. Хозяйка — Люция Павловна — веселая, добродушная женщина. Оба они — люди нашего, фронтового поколения.

К тому времени мне уже доводилось слышать: «Шичко — самый лучший гипнотизер. Глянет — и ты уснешь, или подымешь руки и не сможешь их опустить».

Потому теперь я пристально рассматриваю сильную спортивную фигуру ученого, правда, несколько ограниченную в движениях (он был тяжело ранен под Сталинградом, у него повреждены ноги) — и пытаюсь понять, что же в нем такого необыкновенного? Разве что речь — проникновенная, веская, отточенная. Сразу после войны Геннадий Андреевич закончил Медицинскую академию, потом — философское отделение университета. Несколько лет преподавал философию...

— Вы что же, владеете искусством гипноза? — спросил я.

— В некотором роде это моя профессия. Но только к гипнозу я подхожу не с общепринятыми мерками. Бытует мнение: гипноз — сноподобное состояние, а я утверждаю принцип гипнотического бодрствования. — Он улыбнулся.

— Впрочем, если хотите, можно «проиллюстрировать».

Мы согласились, и он приступил к сеансу. Нас было четверо. Удобно расположив «пациентов» рядом на небольшом диванчике, Шичко попросил нас и наших жен настроиться на волну его желаний. Заметил:

— В отношениях между людьми очень важно взаимопонимание. Уважать человека — значит верить в него. Быть чутким ко всему, что он говорит. Нам иногда кажется, человек говорит пустое, на самом же деле... великое таинство заключено в словах...

Говорил он все тише, монотоннее. И все медленнее ходил возле нас. Жесты и движения сделались плавными, он как бы замирал, настраивал и нас на отдых...

Да, мы на себе испытали силу его внушения.

Много ли он говорил, мало ли — ощущения бытия оставили меня, наступил провал сознания... Потом я услышал:

— Ну вот... вы отдохнули. Пойдемте в другую комнату. Будем пить чай.

Смотрю на своих соседей — они вяло и будто бы сонно улыбаются, и только Надежда Николаевна, моя жена, хранит на челе печать бодрости.

Геннадий Андреевич пояснил:

— Ваша супруга скептически усмехалась — для нее нужны были дополнительные усилия, и я ее пощадил.

Сели за стол. Люция Павловна неожиданно спросила меня:

— Вы пьете?..

— Вообще-то... непьющий, но... в гостях, при встречах...

— Иван Владимирович — ритуальщик, — пояснил Геннадий Андреевич, — сам в одиночку не пьет и тяги к алкоголю не имеет, но при случае... когда все пьют...

Мне не понравилось, что за меня так бесцеремонно расписались, особенно резануло слово «ритуальщик». Больше всего на свете я ценю свободу, внутреннюю независимость от чужих мнений, взглядов. И вдруг: ритуальщик!

— Извините, — стал возражать я, — ритуал — обычай, правило... Что-то вроде секты. А я...

— Верно — правило, обычай, — продолжал Шичко. — Скажу вам больше: вы запрограммированы на винопитие. Самой жизнью, всем объемом жизненных впечатлений. Вы были младенцем, а уж видели, как пьет кто-то из ваших близких. Вы видели свадьбы, похороны... Везде пили. И так каждому из нас в сознание закладывалась программа. Ритуал, как перфокарта, — у нас в сознании...

Умом я понимал правоту рассуждений Геннадия Андреевича, а сердце... протестовало. Все-таки содержалось что-то обидное, унижающее во всем, что говорилось о моей психологии, о сознании, внутреннем мире — о том, что составляло главную суть моего «я», чем втайне я дорожил и что свято хранил от всяких внешних вторжений.

Наступила пауза — долгая, неловкая. Все думали о природе казавшихся нам невинными винопитий — нам всем, почти всем: ведь из гостей только Федор Григорьевич совершенно и ни при каких обстоятельствах не пил вина, а мы попивали и не видели в этом ничего зазорного.

Люция Павловна, наклонившись ко мне, тихо проговорила:

— А вы попробуйте совсем не пить. Совсем-совсем. Ну вот... как мы. — Взглядом она указала на графины и графинчики с соками, стоявшие на столе. — Ведь это же свобода, это — независимость. Полезно и красиво.

В разговор вновь вступил Геннадий Андреевич.

— Наконец, исполните долг гражданина.

— Каким образом? — не понял я.

— Очень просто. Послужите примером для других. Глядя на вас, и близкие ваши, и друзья... задумаются. А может, и совсем перестанут пить.

Мне, естественно, хотелось проявить по отношению к хозяевам, особенно к хозяйке, деликатность:

— Да, да, конечно — я попробую...

Теперь, когда со времени этой встречи прошло много лет, могу заявить: суровая правда суждений Геннадия Андреевича, простые, сердечные вопросы Люци Павловны и ее будто бы наивное изумление перед фактом нашей виноптеримости внесли перемены в наш семейный уклад — напрочь отринуты рюмки, и все последние годы в доме нет алкоголя. Сами не пьем и не угощаем этой отравой своих гостей.

Как-то услышал я от приятеля печальную весть: серьезно занемог их сын Борис, страдавший ожирением и болезнью сердца. Он рано пристрастился к вину, много и беспорядочно ел и к тридцати годам стал инвалидом. Ни в какие средства лечения не верил, от врачей отказывался.

— Он пьет, — говорила мать Бориса Елена Евстигнеевна, — и заверяет нас, что не пить не может.

Я поведал о Шичко, о его способности. Родители ухватились за эту «последнюю возможность» и попросили меня поговорить с Борисом.

— Шаманов не признаю, — заявил тот, — и на поклон к ним не поеду, но вот если можно полечиться в клинике академика Углова... Он, говорят, делает какие-то уколы... — Борис посмотрел на мать. — Сердце у меня болит, понимаешь? А ты... Врач мне нужен, а не знахарь.

— Хорошо, хорошо. Согласна...

За день до отъезда в Ленинград Борис Качан навестил Володю Морозова, школьного товарища, работающего врачом в одной столичной больнице. Поговорили о новых формах лечения, о блокаде сердца.

— Блокаду мы знаем, — заявил Морозов. — Тут есть статистика.

— Знаете, а не делаете. Почему Углов может, а вы — нет?

— Блокаду делает не он один. Кстати, и у него в клинике операцией овладели молодые врачи.

— Операцией? — Борис как огня боялся этого слова.

— Ну, не совсем она операция, скорее, процедура, но... Сложная, требует большой точности. Длинная кривая игла вводится в область сердца...

У Бориса по телу побежал неприятный холодок.

— Своеобразный укол, — продолжал Морозов, — игла проходит вблизи сосудов, нервных узлов — входит глубоко, и через нее изливается большая доза новокаина, витаминов и других компонентов. Есть известная доля риска, но у Федора Григорьевича Углова осложнений не отмечено. Шансы стопроцентные!

— Там еще Шичко есть, гипнотизер какой-то — о нем ничего не слышал?

— Нет, о Шичко не слышал, но вообще-то... в силу убеждения, воздействия на психику — верю. Если предлагают — сходи. Только без этого... твоего извечного скепсиса. Ты, Борис, извини, но когда речь идет о здоровье — скепсис плохой советчик. Это я тебе как врач говорю.

В купе собралась теплая компания. Федор Иванович, главбух завода кровельных материалов, ехавший из Рязани, выставил бутылку коньяка. Борис сказал себе: «Ладно уж... в последний раз».

И только Николай Васильевич, лектор из общества «Знание», сидевший напротив майора милиции, замахал руками:

— Нет, нет: Я не пью.

— Ну, это вы бросьте! Рюмочка коньяка еще никому не повредила. Я вот лет тридцать употребляю, и... как видите...

— Вам на пользу... — Николай Васильевич с нескрываемой иронией оглядел внушительную фигуру бухгалтера, — а меня увольте.

Бориса Качана словно бы кто толкнул в спину: он отпил глоток и поставил стакан. Остальные осушили до дна.

— Мой сосед, видимо, культурнопитейщик, — сказал Николай Васильевич, бросив на Качана укоризненный взгляд.

Все насторожились. И повернулись к Борису.

— Как это?.. — спросил майор милиции.

— А так. Пьет по случаю, понемногу — признает пьянство как привычку, норму поведения. Такие люди сами пьют редко, но другим не мешают. И никого не осуждают. А если соберется теплая компания — то и они со всеми вместе, и даже подзадорят — давай, мол, давай. Если бы из пьющих людей можно было составить пирамиду, то в основании ее находились бы они... пьющие «культурно». Своей примиренческой философией такие люди допускают самую возможность винопития; они как бы говорят: не в вине надо искать зло, а в тех, кто не научился пить вино. А то не разумеет: рюмка тянет за собою вторую, третью. Сегодня рюмка, завтра рюмка, а там, смотришь, человек уже в канаве.

— Ну, это как смотреть! А по мне, так пьющий в меру — идеальный человек!.. Тактичный, деликатный — не ханжа.

— Да, не ханжа. Он потому и попивает, что боится ханжой прослыть. В сущности, это капитулянтство. Знать пагубу алкогольной заразы для общества, самих себя беречь от отравы, а для близких своих, для общества палец о палец не стукнуть.

Николай Васильевич говорил, а сам все время посматривал на Качана, он, видимо, продолжая свой извечный спор об отношении к алкоголю, решил, что Качан — за умеренное, культурное винопитие.

— Вам, наверно, знакомы размеры бедствий, причиняемых алкоголем. Их столько, сколько приносят войны — большие и малые — вместе взятые.

— Чушь! Так я вам и поверил, — зло парировал бухгалтер, разливая коньяк в стаканы. — Я работник счетный, признаю цифры, а не слова.

Лектор достал из кармана толстую записную книжку, быстро нашел нужную страницу:

— Вот, пожалуйста. Пишет известный ученый: «При клиническом изучении нервно-психического развития 64 детей, родившихся от отцов, систематически пьянствовавших не менее четырех-пяти лет до рождения детей, установлено наличие умственной неполноценности у всех этих детей, даже при удовлетворительном физическом развитии». Вам мало этого?

Федор Иванович насупились, лицо и шея покраснели. Взял стакан и, никого не приглашая, залпом выпил.

Майор заметно встревожился сообщением Николая Васильевича:

— За пьянством следом идет преступление. У нас по отделению семьдесят, а то и восемьдесят процентов всех хулиганских проступков, дорожных происшествий, краж, хищений — на почве выпивок. Это уж вы точно говорите... — И минуту спустя серьезно, с озабоченным видом спросил лектора: — А как понимать... систематическое пьянство?.. Если, скажем, человек выпьет в неделю два-три раза?..

— Значит, он всегда пьян — все время!

— Ну уж... По-моему, вы не правы.

— А вот послушайте — в газете написано: «С помощью меченых атомов ученые установили, что алкоголь задерживается в мозгу до пятнадцати дней. Значит, выпивший только дважды в месяц подвергает свой мозг постоянному действию яда».

— Приятель! — повернулся к нему побагровевший бухгалтер. — Завел шарманку! Пьянство да пьянство. Хватит, черт побери!

Стукнул кулаком по столу, сунул за пазуху бутылку, подался к выходу.

Прошло часа два. За окном вагона сгустился вечер, а Федора Ивановича все не было. Сидевшие в купе начали беспокоиться, а Борис уже хотел было пойти на поиски бухгалтера, как к ним вошли проводник с милиционером. Проводник спросил:

— Где вещи четвертого пассажира?..

— А что с ним?..

Милиционер пожал плечами.

— Сердце. Или инсульт... Мы его на остановке сдали врачам.

Проводник собрал вещи, и они ушли. Пассажиры сидели в гнетущем молчании, и каждый из них, должно быть, испытывал неприязнь к Николаю Васильевичу за неуместный и чересчур резкий разговор о пьянстве. И когда лектор вышел из купе, за ним последовал Качан:

— Наверное, не стоило вам... Таких, как Федор Иванович, не исправись.

— Не исправим, пока будем терпимо относиться к пьянству. А виноваты прежде всего вы, ритуальщики. Если бы не поощряли так называемые «культурные» выпивки, то бухгалтер бы не выставил на стол коньяк. И не случилось бы беды...

КТО КАТИТСЯ В БЕЗДНУ?

Вслед за Борисом в кабинет Углова вошла молодая женщина, представилась:

— Корреспондент местного радио. Хотела бы с вами побеседовать.

Углов повернулся к Качану:

— Вам придется подождать. Сидите здесь — вы нам не мешаете.

Вопросительно посмотрел на корреспондентку.

— Не могли бы вы рассказать о том, как действует алкоголь на мозг?

Вопрос показался Борису наивным. Тем не менее он напрягся, ожидая, что ответит Углов. Академик поднялся из-за стола, прошелся по кабинету.

— Понимаете, — заговорил он, — нет такого заболевания, течение которого не ухудшалось бы от употребления алкоголя. Нет в нашем организме такого участка, куда бы спиртная отравка не заносила свою пагубу. Но мозг... — он коснулся лба кончиками пальцев. — Мозг страдает особенно тяжело. Концентрация алкоголя в нем обычно почти в два раза больше, чем в клетках других органов. И самые высшие разделы мозга — клетки коры — поражаются в первую очередь.

— Но это в случае отравлений — то есть если человек выпил слишком много, и вообще... если перед нами пьяница, алкоголик?

— Ну нет, такие же изменения — пусть не столь сильные — наблюдаем и у людей «умеренно» пьющих. И что особенно печально: изменения в веществе головного мозга необратимы. У лиц, употребляющих спиртные напитки, происходит склеивание эритроцитов — красных кровяных шариков. Чем выше концентрация спирта, тем более выражен процесс склеивания. Снабжение клетки кислородом прекращается, и она погибает. Вскрытия «умеренно» пьющих показали, что и в их мозгу обнаруживаются целые кладбища омертвевших корковых клеток.

Качан суровые слова о вреде алкоголя принимал на свой счет. «Кладбища из погибших клеток!» Ведь сколько он пил!.

Углов продолжал:

— У всех пьющих, которых обследовали, установлено уменьшение объема мозга, или, как говорят, «сморщенный мозг».

«Час от часу не легче, — думал Борис. — «Сморщенный мозг». — Он пристально и с какой-то тайной радостью посмотрел на корреспондентку. Она хоть и слушает спокойно и глазом не поведет, но ведь тоже пьет. Сейчас все пьют. Ну не она, так ее муж.

Сознание, что «сморщенный мозг» не у него одного — у многих, — облегчало душу. Он идет ко дну, но не один же — рядом другие...

Корреспондентка тоже забеспокоилась. Черные реснички дрогнули:

— Федор Григорьевич, наверное, это все-таки случается у сильно пьющих. Не может же того быть, чтобы все...

— Понимаю вашу тревогу, но утешить ничем не могу. Многие склонны все зло, причиняемое спиртным ядом, относить к алкоголикам. Мол, это алкоголики страдают, у них все изменения, а мы что, мы пьем умеренно, у нас никаких изменений нет. Это неверно. Есть одно слабое утешение: наш мозг имеет большие резервы, в нем много клеток. Процесс разрушения при винопитии не так скор; но он происходит, и эту суровую правду должен знать каждый, кто берет в руки рюмку.

— Хотелось бы знать: эти выводы принадлежат вам лично или вы их почерпнули из научных источников?

И голос корреспондентки, и ее напряженная, нетерпеливая поза выражали внутренний протест, недовольство.

— Всемирная организация здравоохранения давно высказалась по этому поводу: она определяет алкоголизм как зависимость человека от алкоголя. Это

значит, что человек находится в плену у рюмки. Он ищет любую возможность, любой предлог, чтобы выпить, а если повода нет, то пьет без всякого повода. И всех уверяет, что пьет «умеренно».

Кстати сказать, «умеренно» — самый коварный термин, за который укрываются все пьющие. В том числе и алкоголики. Достаточно сказать людям, что умеренные дозы безвредны, как все будут пить. А уж кто из пьющих станет алкоголиком, а кто останется «умеренно» пьющим — поди разберись. Одно несомненно: пить — значит глупеть, отравлять мозг и весь организм, катиться в бездну.

Федор Григорьевич замолчал — видимо, собирался с мыслями, а Качан, потрясенный услышанным, внезапно заговорил:

— Простите, но я бы тоже хотел спросить: неужели же совсем не пить — хотя бы вино, в месяц раз-другой?

— А зачем пить вино? Ответьте мне, пожалуйста, зачем? Выпить просто, ради прихоти, заведомо зная, что пьете яд?.. Вы же не говорите, что вам один раз в месяц нужно сделать укол морфия, выпить порцию гашиша или хлороформа? Зачем же делать исключение алкоголя?

— Ну, хорошо, мы вам поверили, вы нас убедили, — вновь взяла беседу в свои руки корреспондентка. — Мы вот... — она кивнула в сторону Качана, — люди молодые, многого могли не знать, но если вино так вредно, если оно — яд, то почему только в последнее время серьезно начали бороться с пьянством? Почему люди в своем большинстве еще не разделяют вашей тревоги по поводу последствий винопития?

— Не совсем так. Большинство как раз разделяет эту тревогу. Но не каждый осознает, насколько серьезны последствия. Во многом тут виноваты укоренившиеся традиции: пили во все времена, мало кто считал вино вредным для здоровья. ЦСУ и Министерство торговли долгое время относили алкоголь к пищевым продуктам. И многие врачи поддерживали это заблуждение. Вовсю старались наши сценаристы и режиссеры, рекламируя винопитие на экранах кино и телевидения. Да и теперь не все могут отказаться от привычного стереотипа. А плохой пример, как известно, заразителен. Поступки взрослых перенимают дети. И мало кто знает, что у детей, не достигших школьного возраста, глубокое отравление и даже смерть наступает от двух-трех столовых ложек водки. А сколько гибнет взрослых? Если принять семь-восемь граммов алкоголя на килограмм веса, что приблизительно равно 1—1,25 литра водки, то наступает смерть.

Качан при этих словах вспомнил случай, когда он на спор с приятелями выпил один два пол-литра русской пшеничной. Помнит, как мутило душу, перед глазами все плыло и он валился кому-то на руки. «Еще бы две-три рюмки — и конец!» — подумал он сейчас.

А академик продолжал:

— Если человек пьет долго, он деградирует как личность. Совесть, стыд, сердечная привязанность — то есть все то, чем красив человек, что характеризует его возвышенным словом «благородство», — все эти высшие, наиболее совершенные чувства атрофируются. Проблемы общества, государства, проблемы близких людей его мало занимают. Я наблюдаю за своими учеными-коллегам, которые сами пьют. Когда говоришь с таким о вреде алкоголя для общества, государства, видишь нравственное безразличие, своеобразную анестезию к народному горю. Совесть спит, она словно подвергнута наркозу.

А ведь совестливость и стыд были во все времена великой охранительной силой, удерживали людей от зла и жестокости, смиряли низменные страсти, ограждали от неблагородных поступков, а подчас и преступлений. Спиртные зелья имеют скрытую и страшную способность понижать силу и тонкость этих чувств.

С нарастанием пьянства увеличивается ложь, утрачивается искренность. История донесла нам печальную статистику: во всех странах, у всех народов с нарастанием пьянства росли и преступления. В России в период акцизной продажи водки стало расти количество осужденных за лжеприсягу, лжесвидетельство и ложный донос. Лев Николаевич в статье «Для чего люди одурманиваются?» вот что пишет, послушайте:

«Не во вкусе, не в удовольствии, не в развлечении, не в веселье лежит причина всемирного распространения гашиша, опиума, вина, табака, а только в потребности скрыть от себя указания совести...»

Трезвому... совестно украсть, совестно убить. Пьяному ничего этого не совестно, и потому, если человек хочет сделать поступок, который совесть воспрещает ему, он одурманивается...

Люди знают это свойство вина заглушать голос совести и сознательно употребляют его для этой цели. Мало того, что люди сами одурманиваются, чтобы заглушить свою совесть, — зная, как действует вино, они, желая заставить других людей сделать поступок, противный их совести, нарочно одурманивают их, организуют одурманивание людей, чтобы лишить их совести...

Все могут заметить, что безразвенно живущие люди более других склонны и одурманивающим веществам. Разбойничьи, воровские шайки, проститутки — не живут без вина... Всякий увидит одну постоянную черту, отличающую людей, предающихся одурманиванию, от людей, свободных от него: чем больше одурманивается человек, тем более он нравственно неподвижен.

Освобождение от этого страшного зла будет эпохой в жизни человечества...

Углов замолчал, отложил в сторону книгу, в раздумье склонил над столом голову. Он как бы предоставлял слушателям возможность осмыслить сказанное.

— Где выход? Как же нам быть?

— Выход один: отказаться от вредной привычки. Отказаться, пока не поздно. Алкоголь коварен, он не вдруг, не сразу уродует человека. Но он аукнется, обязательно аукнется — у одного разовьются признаки дебильности, у другого плохой характер. Перемены в характере происходят и у людей «умеренно пьющих». Они еще сохранили способность владеть собой и могут одолеть страсть к винопитию. Но их мозг задет, и они находятся на спуске. Еще немного, и они быстро заскользят вниз. Мозг придет в такое состояние, что он уже не сможет управлять поведением человека. Наступит полная алкогольная зависимость, и откроется путь к деградации. А поскольку людей, находящихся в таком состоянии — то есть на спуске, — у нас, к сожалению, немало, то вполне реальна угроза перемены характера народа. Вот это обстоятельство должно больше всего тревожить каждого, кто любит свой народ, свою Родину.

СМОРЩЕННЫЙ МОЗГ

Борис был в смятении. Впервые он как бы глянул на себя со стороны и увидел не просто любителя выпить, а человека, погубившего в вине все свои силы и само здоровье. Глубоко в сознание запали слова академика: «Нет такого органа у человека, который бы не страдал от спиртного зелья». «И мое сердце, — думал он, лежа на больничной койке, — не выдержало перегрузок. Я безобразно толст, таскаю лишних тридцать килограммов, к тому же пью... пятнадцать лет, со школьной скамьи, с девятого класса...»

Вспомнил вечеринку у одноклассницы. Родителей не было, ребята принесли вино — по две, а то и по три бутылки. Тогда им казалось: будешь лихо пить — прослывешь мужественным и сильным. И они пили... Один перед другим. Борис помнит, как его мутило. Он едва стоял на ногах, но пил... Думалось, девочки смотрят на него с восхищением: «Вот так Борька!.. Вот парень!..»

В студенческие годы пил еще больше. Деньги водились, отец не отказывал. Потом, когда начал трудиться в научно-исследовательском институте — особенно через два-три года, встав во главе небольшой группы ученых, — пил дома, пил на работе. Даже похвалялся тем, что в день выпивает бутылку коньяка. Однако пьяницей себя не считал. Пьяницы — те, что валяются под забором, по утрам бегут к пивнушке, «соображают на тронх». И вдруг — открытие: у него склеены эритроциты, «сморщенный мозг».

Было больно и обидно сознавать, что уже в тридцать лет утратил здоровье, способность творить, совершать открытия. И невольно думалось: «Углов превеличивает. Пугает, умышленно нагнетает страхи...»

На третий день незадолго до обеда в палату к Борису пришел худощавый бородатый мужчина. Поздоровался с больными — в палате их было четверо, — прошел в угол, где стояла койка Качана.

— Вам прописан специальный массаж. Я — Копылов.

Качан приподнялся с койки, положил на тумбочку книгу. Да, конечно, Борис знал о Копылове и то, что он будет делать ему специальный массаж.

— Вы кандидат технических наук? — спросил Качан.

— Да, моя стихия — авиация. А теперь вот еще и эта... теория боли.

— Теория боли?

— Да, представьте. Массаж — это мое орудие, техническое средство, а цель — механизм боли. Будто бы старая штука — боль, и знакома каждому, а на самом деле — явление чрезвычайно сложное. Все знают, даже малые дети, что боль возникает и затем проходит. Но почему она прекращается, какие силы включает организм для избавления нас от неприятных, а иногда и мучительных ощущений? Нельзя ли докопаться? Что она такое вообще — боль? Друг человека или враг? Атавизм ли, функции которого уже исчерпаны в предыдущих этапах эволюции, или она имеет определенный смысл в физиологических процессах организма?

Копылов старался быть веселым и откровенным. Наверное, помнил древнее присловье: «Веселое сердце благотворно, как врачество, а унылый дух сушит кости».

Качан сразу же почувствовал интерес к болевым массажам и к самому Копылову, который так легко и широко раскрывал перед ним область своих интересов. Борис еще в Москве слышал об экспериментах Копылова, которому в порядке исключения разрешено проводить их в клинике Углова. Он каждый свой шаг согласует с врачами, докладывает самому академику — все его процедуры тщательно анализируются, изучаются. Все это знал Качан и возлагал на Копылова большие надежды.

— Понимаю вас, — сказал Качан. — Но разве проблема боли раньше не интересовала ученых-медиков?

— Еще как интересовала! Однако и до сих пор у них нет единого мнения. Вот, например, как трактует суть боли Большая медицинская энциклопедия... — И Копылов без усилий прочел на память длинное определение: — «Боль — своеобразное психофизиологическое состояние организма, возникающее в результате воздействия сверхсильных или разрушительных раздражителей, вызывающих органические или функциональные нарушения в организме». А Чарлз Дарвин рассматривал ощущение боли как фактор защитного характера, развившийся и зафиксировавшийся в процессе естественного отбора. По Ивану Петровичу Павлову, биологический смысл боли состоит в отбрасывании всего, что мешает, угрожает жизненному процессу, что нарушает уравнивание организма со средой. Как видите... сигнал опасности, защита. Древние греки оставили нам высказывание: «Боль — это сторожевой пес здоровья»... Однако я заговорил вас. Меня ждет мальчик, страдающий астмой.

Копылов ушел. А Качан в волнении ходил по палате, думал о человеке, который так круто изменил свои интересы в жизни — с такой верой и смелостью устремился в заповедную область науки, к которой раньше не имел никакого отношения.

«Есть же люди! — размышлял Качан, выходя в коридор и гуляя в безлюдных закоулках. — Интересно, а как он относится к алкоголю?.. Пьет ли? И если пьет — что думает о взглядах академика Углова?..»

Назавтра в условленный час Копылов явился в палату и позвал на процедуру. Не на массаж, а на «процедуру» — так и сказал.

В небольшой комнате у окна стояла низкая, широкая лавка.

— Раздевайтесь до пояса. Ложитесь.

— На спину?

— Да, на спину.

Копылов сел рядом, поудобнее пристроился, вскинул пальцы. Точно пианист или фокусник в цирке. Качан сжался — невольно, машинально. Но Копылов сперва нежно коснулся кожи. Стал поглаживать, распрямлять... Теплые жесткие пальцы ходили кругами, все глубже и сильнее погружаясь в тело. Качан успокоился, расслабился, но вдруг он встряхнулся всем телом. Боль возникла внезапно, от сильного нажатия большого пальца под ключицей, и нервной, тревожной волной разлилась по телу.

— Лежите спокойно, — сказал Копылов. Он надавил сильнее. В одном месте, в другом... Теперь уже всеми пальцами. Качан закрыл глаза, тихонько постанывал. А Копылов ходил и ходил кругами — то там, то здесь... Качан сжал зубы. Терпел. И даже стонать перестал. Только навязчиво думал о конце «процедуры». И Копылов, словно понимая его нетерпенье, ослабил нажимы, снова мягко, нежно заходил кругами... Разглаживал, успокаивал и говорил:

— Организм — умница, мы причиняем ему боль, а он защищается, мобилизует силы и в то место, где ощущает боль, бросает средства и материалы, не совсем еще нам понятные, неведомые, но способные ремонтировать, восстанавливать, устранять поломки. И заодно — так сказать, попутно — излечивает болезни целого региона... В этом смысл нашей процедуры.

— Может быть, может быть, — рассеянно соглашался приходивший в себя Качан. — Хотелось бы верить. Скажите, это ваши собственные мысли?

— И свои... И — чужие... Наука не исключает чужих открытий. Но вы потеряете. Вот здесь...

Он надавил раз, другой... Разгоряченные и еще более жесткие пальцы Копылова, как в вату, вонзились в рыхлое тело Качана, прошлись под ребром и словно крючками зацепили нерв... Боль прострелила все тело, бросила в жар.

— Это слишком! — Качан попытался вернуться от бегущих пальцев массажиста. Но пальцы настигали, за одной волной катилась другая волна боли, третья. И Качан уже терял терпенье, он весь покраснел и покрылся испариной... А руки снова взлетали над ним, и он видел, как были красны и словно бы дымились подушечки пальцев Копылова.

Шел десятый день пребывания Качана в клинике Углова; сегодня он принял третий массаж — последний и самый мучительный. Назначь ему Копылов четвертый, пятый — он бы, наверное, не выдержал, попросил ослабить болевые нажимы, но Копылов сказал: «Хватит! Посмотрим, как поведет себя ваше сердце». А сердце — умница, трудились без сбоев, Качан уже много и резво ходил по коридорам — в безлюдных местах переходил на скорый шаг: взад-вперед, взад-вперед. До пота, до легкой ломоты в ногах. А сердце — как бы не сглазится! — билось в груди ровно и сильно...

Качану никто ничего не носил. В клинике он сидел на строгой диете, чувствовал, как тает масса его тела и весь он становится крепче и легче.

Вскоре Углов назначил ему блокады с введением лекарства в область сердца... Ночью Качан долго не мог заснуть. Длинная, кривая игла маячила перед глазами. «Нужна большая точность... можно задеть сосуды», — беспokoйно бились в сознании чьи-то слова.

Утром сестра едва разбудила Качана.

— В одиннадцать часов вам назначена операция.

— Укол или операция?

Сестра пожала плечами.

Чтобы как-то скоротать время, он вышел в коридор и до одиннадцати толкался у дверей палат. Затем дежурная сестра привела Качана в предоперационную. Тут было много народа: готовили операционный стол, пробовали лампы, тянули провода к аппарату со стеклянными цилиндрами.

Потом Бориса усадили в кресло, которое тут же опустилось, и он оказался в полулежачем положении. Свет слепил глаза, слева и справа хлопотали сестры. Углов в операционной не появлялся, но Борис чувствовал, что его ждали.

В руках одной из сестер он увидел иглу — ту самую, длинную, кривую. Качан криво усмехнулся. Хотелось спросить: а не опасно это, сестра?.. Появился Углов. В откинутую назад руку ему вложили баллон с иглой. Другой рукой он коснулся груди Качана, нащупал мягкое место — там, где шея соединяется с грудью. Игла кольнула, стала погружаться. Ни наркоза, ни просьбы закрыть глаза... Борис видел и чувствовал, как длинная, блестевшая в лучах лампы игла уходила в полость груди. И затем так же видел, как Углов большим пальцем с силой надавил поршень. Внутри стало тепло — все теплее, теплее.

- Мне жарко, — проговорил Борис.
- Ничего. Так действует новокаин.
- Очень жарко. Я теряю сознание...
- Крепитесь, мы даем вам большую дозу лекарств.

НА КРУГИ СВОЯ

Около месяца пролежал в клинике Борис Качан. Дважды ему делали болевой массаж и дважды — новокаиновую блокаду сердца. За это время он не выкурил ни одной сигареты. Врачи в клинике предупреждали: за рюмку или сигарету — выпишем.

Борис похудел на двенадцать килограммов. И когда после клиники вечером поднимался к другу на третий этаж, то, к радости великой, не почувствовал обычного сердцебиения.

— Явился — не замочился! — встречал его друг. — А мы уж думали — укатил в Москву.

Переступив порог гостиной, Борис увидел накрытый стол. И ряды бутылок с яркими наклейками. Сердце екнуло, но тут же решил: «Пить не буду!»

С этой мыслью Качан сел за стол...

Юра Кочергин жил когда-то в Москве, по соседству с Борисом. Они учились в одной школе. Потом Юра женился и переехал в Ленинград. Здесь он работал архитектором.

— На больничных-то харчах отошал, наверно... Вот мы и подкрепимся.

— Только этого... — Борис показал на бутылки, — не надо. Сердце, брат!

— В детстве ты будто бы не жаловался. Что случилось, а?... — Юрий смотрел на него с состраданием. — Однако я тебе сладенького... Выпьем за встречу! — Юрий поднял рюмку.

Качан искренне хотел воздержаться, но вскинута над столом рюмка и призывный голос друга вышибли из головы тормозные рефлексy. Мелькнула обезоруживающая мысль: «Все равно ведь... не прожить без вина!» И вот уже Борис держит рюмку перед собой. «Выпью для пробы, — успокоил он себя. — Узнаю, прав ли Углов... Потом завяжу...»

Рюмка малая, вино слабое, а в голове уже слышится знакомый расслабляющий шум. Мысли текут вяло — но не тревожные, навеванные дорожной историей и беседой с академиком, а легкие и веселые, вселяющие надежды... Жизнь хороша, и я хорош, и здоровье мое не так уж плохо. Ну, сердце! Ну, поболело!.. Устал, много нервничал — надо отдохнуть.

— Эх, Юра! Налей вон того, покрепче!..

— Ага, давно бы так! А то завел волюнку: уволь, сердце... Сердце заболит, когда нет вина, не на что выпить, а так-то...

Теперь они оба пили коньяк, и Борису было приятно сознавать себя таким же крепким и здоровым, как его друг.

— Пьянчугам гайки подкрутили, — говорил Юрий. — И поделом. Давно надо было укоротить. Пьют где ни попало. Вон там, на углу сквера, пивной бар стоял. По утрам пьянь, словно мошкара, вилась. Грязь, вонь — тьфу, черт! Свинство! Теперь прикрыли. Во многих магазинах с прилавков бутылки слетели. Строгости дают себя знать. Но для тех, кто пьет культурно... как мы с тобой... запрета нет. У нас коньячок и все прочее в шкафу. Протяну руку — бутылка!.. Вон, видишь: батарея! И какие марки: на выбор! И ром египетский, и коньяк французский... Хочешь?.. Раскупорю вон ту, пузатую?.. — Юрий ловко открыл бутылку, наполнил рюмки. — Пьяниц, алкоголиков — не терплю! Позорят наше мужское сословие. Но чтобы вовсе не пить!.. Для этого, Борис, нам всем надо заново родиться. Нужен переворот в мозгах — новые понятия, другие ценности. У нас не знают иной дружбы, как только на почве выпивки. Не выпей с ним — не найдешь контакта. Взять хотя бы нас, архитекторов. Мы имеем дело со строителями, а с ними без бутылки ничего не решишь! Мне недавно дочку нужно было в ясли определить. Иду в местном строительного треста. Там дядя сидит. Говорит: «Пиши заявление». Написал, положил ему на стол, а он смотрит на меня загадочно, ждет чего-то. Не понял я с первого раза, ушел, а дело не двигается. Спасибо, работяга один шепнул...

— Ну, и ты... того? — Борис многозначительно щелкнул по кадку.

— А куда же денешься? Вот ты об этом бы сказал своему академику. Дилетант он в житейских делах — простых вещей не понимает.

— Ну, ты тоже, завел минор! — огрызнулся Качан. — Что же мы — не одолеем этой заразы?.. Да у нас, если захотят...

— Вот-вот... если захотят. А кто захочет? Я, например, нет, не хочу жить на сухую.

Выпили коньяк, потом водку, потом снова коньяк...

Утром Борис проснулся от сильных болей в области сердца. И первой мыслью было: «Дурак!.. Напился, как свинья!.. И это после всего, что было, что видел и слышал!..» Из соседней комнаты доносился храп крепко спящего Юрия. «Он здоров, ему можно, а я-то, я-то со своим сердцем!.. Что делать? Не пойдешь теперь к Углову, не скажешь: напился, и вот... снова болит сердце!.. Одна теперь надежда — на Шичко».

Борис поднялся и достал из сумки корвалол. Вспомнил совет Углова: «Боли в сердце старайтесь снимать. Есть много сосудорасширяющих средств...» Накапал двойную дозу — сорок капель, выпил. И снова лег...

КЛУБ БЛАГОРАЗУМИЯ

Тем же утром Борис переехал в гостиницу. И позвонил Шичко. Условились встретиться вечером.

В назначенный час Качан поднялся на третий этаж. Позвонил. В ответ — тишина. Позвонил еще. Никто не ответил. «Вот тебе и психолог, культурный человек...»

Нехотя, вяло стал спускаться с лестницы. У выхода из подъезда встретила женщина — хорошо, со вкусом одетая. Молодежная прическа, опрятный вид.

— Вы — Качан?.. Меня прислал Геннадий Андреевич, он извинялся, просил вас прийти прямо в клуб.

— В какой клуб?

— Ну, наш — трезвости. Он еще называется клубом Благоразумия. Геннадий Андреевич проводит там занятия.

Борис улыбнулся. «Благоразумие, трезвость...» Как будто бы есть еще и клубы неблагоразумных и пьяниц...

Сказал об этом спутнице. Та удивилась.

— А вы разве не слышали? В России еще в прошлые времена были клубы трезвости. И общество Всероссийское было. И у нас скоро будет. А ведь общество трезвых это и есть общество благоразумия. Еще Аристотель сказал: «Опьянение есть добровольное сумасшествие». Так что привыкайте. Со временем все у нас будет трезвыми, а значит, и благоразумными.

— А вы — хороший агитатор. Меня зовут Борисом Петровичем, фамилия — Качан, а вас, если можно?

— Татьяна Владимировна... Рыжова.

— Простите, а что вы делаете в клубе трезвости? Что вас там интересует?

— Поначалу меня, как и всякого, привела туда беда: я стала увлекаться вином, под угрозой была семья и сама жизнь... Кто-то меня надоумил... Давно это было, года три назад.

— И вы?..

— Я слушала беседы Геннадия Андреевича. Одну прослушала, вторую... Потом и пить перестала.

— От одних бесед? Ни капель, ни процедур?..

— Да, представьте, Геннадий Андреевич лечит словом.

Борис чуть было не рассмеялся. Хотел сказать: «Ну, слов-то я наслушался предостаточно», — однако сдержался, спросил:

— А плата? Он берет что-нибудь за свою работу?

— Ой, что вы! Не вздумайте заговорить об этом с Геннадием Андреевичем. Он даже цветов от своих слушателей не принимает. Лучшая награда для меня, говорит он, — ваша трезвость.

— Ну, а теперь... у вас лично... отпала необходимость в беседах и в самом клубе?

— Необходимость вроде бы отпала, я уж и запах спиртного позабыла, да другим теперь моя помощь нужна.

Подошли к подвалу жилого дома.

— Сюда, пожалуйста! — показала Татьяна Владимировна.

Спускались по разбитым щелястым приступкам, стены обшарпаны, дверь отодвинули со скрипом. Очутились в комнате, похожей на школьный класс. На стенах карты, схемы маршрутов, рисунки лесов, полей, рек и озер...

— Тут клуб туристов, мы у них квартируем.

В глубине комнаты — столы, за которыми сидят мужчины и женщины. Такие разные: и по возрасту, и по внешнему виду. Перед ними за маленьким столиком, как подобает учителю, — пожилой мужчина в дорогом ладном костюме. Вид интеллигентный, взгляд внимательный:

— Вы — Качан Борис Петрович?.. Садитесь, пожалуйста.

Показал на свободный столик сбоку на отшибе. Не знал Борис, что место это предназначалось для новичков — так, чтобы новичок мог видеть всех, присмотреться к лицам...

— Всякая наука начинается с терминов, — продолжал Шичко неторопливую беседу. — Для себя мы составим и хорошенько запомним словарь трезвенника: 1. Абсолютный спирт — 96 градусов. 2. Алкоголизация начинается с того момента, когда ребенок увидел в руке отца рюмку с водкой. И... улыбающееся, блаженное лицо родителя. «Ага, — думает ребенок, — вино — это хорошо, мой папа радуется». Так в сознание ребенка закладывается программа положительного отношения к вину. Затем идут стадии алкоголизма: а) сивушник; б) случайник; в) пьяница — это когда человек пьет регулярно.

«А вот это — про меня, — подумал Качан, украдкой оглядывая аудиторию. — И с каким презрением он произносит: «пьяница...» В душе поднялся протест: «Сколько у нас... пьющих регулярно!.. Да в нашем институте — почти все! А если в стране, то миллионы!.. И обо всех вот так... с презрением?..»

За первым столом сидели мужчины, сбоку стола лицом к Борису — женщина: молодая, лет двадцати шести, с роскошной прической и большими темными глазами. Смотрела весело и будто бы даже улыбалась. «Чему она рада? — думал Качан. — Ведь нет ничего веселого. Да и вообще... почему она здесь? Неужели тоже... из этих... любительниц?..»

Перевел взгляд на Татьяну Владимировну. Сидит за последним столом и тоже с лицом одухотворенным, счастливым. «Все они тут... чокнутые! — заключил Борис. — Наивные, глупые алкаши. Ждут чуда. А мне здесь ждать нечего. Уж так и быть, сегодня послушаю, а завтра поеду в Москву. Если сам не покончу с пьянством, никто не поможет».

Шичко продолжал говорить — негромко, невыразительно, даже как будто бы не очень четко произносил слова: «стадии», «степени». Борис не находил в них ничего особенного, они его не трогали и не убеждали, он все больше проникался мыслью: зря пришел, зря.

— Борис Петрович! — повернулся к нему Шичко. — Сядьте вот сюда, поближе. Вы у нас новичок, и я хотел бы, чтобы вас все знали. Может быть, потом я определю вас в группу самоотрезвления. Есть у нас и такая... А сейчас, пожалуйста, расскажите о себе. Вы сами себя к какой категории относите?..

— Пьяницей себя не считаю. По крайней мере, раньше... так думал.

Голос звучал глухо и как-то необычно — словно чужой. «Волнуюсь, — подумал Качан. — Я так не волновался на собраниях в институте...»

— Ваш ответ типичен для многих пьющих. Если человек пьет не каждый день и не напивается, он не считает себя пьяницей. Между тем медники теперь знают, что в липидах — тканях нервных клеток — алкоголь держится, около двух недель. И тут не важно, сколько человек выпил — рюмку ли вина, стакан ли водки. Так что пить два раза в месяц — значит постоянно находиться под воздействием алкоголя.

Борис покраснел, опустил голову. Вспомнил, как глушил коньяк вечерами в ресторанах, а случилось, и днем на работе.

— Расскажите нам...

— Если так... то конечно... Пил много, что и говорить. Без всякой системы, без порядка — пил, и все тут. Хотел бы расстаться с этой... дурной привычкой.

Последние слова произнес тихо, себе под нос.

— «Дурной привычкой», сказали вы. Нет, мы здесь называем вещи своими именами. Привычка эта не дурная, а роковая, трагическая. Она уносит не одно только здоровье, не одни только радости жизни, но и саму жизнь. Расскажите, что случилось с вами вчера?.. С кем вы пили, сколько и почему?..

— Вчера?

— Да, вчера. Мы все тут откровенны. Без откровенности нет доверия. А без доверия слова излишни. Сознание замкнуто, и хода к нему нет. Ну, так, пожалуйста, рассказывайте...

В тот день вечером я приехал в Ленинград и снял номер в гостинице «Спутник» — там же, где поселился Качан. Бориса я застал в кровати — лицо бледное, взгляд растерянный.

— Что с вами? У вас сердце?..

— Да нет, слава богу, сердце не болит.

— Вы были у Шичко?

— В том-то и дело — был. Вроде бы и ничего особенного не увидел и не услышал, а чувствую: разум мой весь в смятении. Он, как мальчишну... заставил признаться... Черт знает что!.. Я о таких вещах и близкому другу не рассказал бы... А вы тоже к нему, к Шичко?

— Да, буду писать о нем.

Борис хмыкнул, покрутил головой.

— Вы сами-то верите в эту... абсолютную трезвость? Так, чтобы жить и не пить. Ну, совсем, ни капли?..

НУЖНА ЛИ «РАЗУМНАЯ ГАРМОНИЯ»?

В самом деле: как далеко пойдет борьба за отрезвление народа? И что такое трезвость вообще?

Начнем с издавна распространенного мнения: пить много — нехорошо, а если выпивать понемногу, да не часто, по праздникам, во время встреч с друзьями, официальных торжеств — чего же тут зазорного? Да и как же не выпить, если все другие пьют?..

Пить пей, да дело разумей. Не тот плох, кто пьет, а кто не умеет пить. Так (или примерно так) рассуждают многие. Исключения редки, о них обыкновенно говорят: «Он свое выпил». Или: «Большой человек, ему нельзя». Ну а если встретился молодой, цветущий здоровьем юноша, решительно отвергающий идею винопития, — о нем не знают, что и подумать. О таком говорят: «Оригинальничает парень».

Ну а как быть? Где найти истинную формулу трезвости?

Не так давно газета «Труд» опубликовала статью А. Мостовщикова «Лет до ста расти». В ней есть такое место:

«А вообще-то мы рекомендуем есть все, но в меру, даже меньше — процентов этан на пятнадцать. И алкоголь разрешаем в небольших дозах. У нас в магазинах достаточно большой выбор вин и других напитков. Главное, повторяю, разумная гармония».

Корреспондент писал из Румынии — из мест, где люди живут долго. В умении этих людей соблюдать меру в еде и пить вино небольшими дозами журналист увидел важное условие долголетия.

Другой корреспондент «Труда», из Болгарии, Б. Леонов, как бы переключаясь со своим коллегой, тоже написал статью: «Здесь живут до ста двадцати». И тоже сообщал о соблюдении меры во всем как важном условии долголетия:

«Среди столетников нет людей, которые злоупотребляли бы курением или алкоголем... 90 процентов выпивали вино или ракию (болгарская водка), но в очень малом количестве».

Б. Леонов осторожнее в советах о винопитии — прибегает к словам «в очень малом количестве». Если, к примеру, старики в Румынии пропускают перед обедом два стакана вина, то здесь, в Болгарии, они ограничиваются стаканом или стаканчиком (если речь идет о ракии). Зато и живут... Столетники!..

Но вот сколько бы жили эти же старики, не употребляя они вовсе вино или ракию, — об этом корреспондент не задумался.

«Литературная газета» в статье З. Балаяна «Упиваясь словами» (21.03.1984 г.) тоже отстаивала культурное отношение к вину. Под видом критики дилетантизма в антиалкогольной пропаганде проводилась все та же идея: не вино виновато, а наше неумение пить его.

«Я хорошо знаю, — говорит автор, — как в наших краях завтракают столетние старцы. С детства помню, как бабушка ничуть не баловала деда разнообразием меню на завтрак. Ломтик подогретого хлеба, на котором таял и скользил крохотный кусочек масла. Брынза с палец. Яичко всмятку. Зеленый лучок с белой круглой головкой. Стакан крепкого чая с сахаром вприкуску. Свою традиционную трапезу на утренней зорьке дед непременно предварял традиционной рюмкой тутовой водки. И так всегда. Каждый день. И никаких тебе необратимых процессов. Умные, мудрые, светлые люди, которых, конечно, никто не видел пьяными».

Мы не говорим: давно это было или недавно. Мы говорим о философии и психологии, насаждавшихся годами: пить в меру, пить культурно, пить уметь... Да и теперь по поводу публикаций тех времен пьющий человек скажет: «Что же тут плохого или неверного?.. Газеты отражали мнение большинства людей: пить надо в меру, а не знаешь меры — грош тебе цена».

Будем откровенны: после принятия известных мер партии и правительства по преодолению пьянства и алкоголизма находится немало таких, кого эти меры не устраивают. Но их все же меньшинство. Все большее и большее количество людей задумывается над вопросом: «А хорошо ли это, что мы жизнь свою не мыслим без вина?..»

В редакцию «Вечерней Москвы» пришло письмо. Читательница газеты Е. Петрова писала:

«У меня подрастает сын, и в связи с этим я не позволяю устраивать у нас в доме застолья. Даже по праздникам мы пьем безалкогольные напитки. Я сама готовлю очень вкусный лимонад и разнообразие вкусных блюд. Окружающие осуждают меня, муж ворчит: «Какой же праздник без спиртного!» — но я не хочу, чтобы мой сын привыкал выпивать для поднятия настроения. Может, и правда, я слишком осторожничаю!»

Редакция попросила ответить на это письмо главного нарколога Москвы Э. Дроздова.

«Пьянство — зло, — пишет Э. Дроздов. — Это знают все. Но все ли задумываются над тем, что начинается оно не без нашей помощи? Да, да! И не спорьте! Примиренческая позиция по отношению к пьянству, глубокая уверенность в том, что без спиртного нет праздника, — вот откуда подкрадывается к людям опасность».

И дальше он пишет о проблеме: вино и дети.

«А мы, взрослые? Часто ли вмешиваемся, когда видим, что ребята распивают во дворах, в скверах бутылку? Почему мы так равнодушны? Почему стесняемся? Почему так терпимы?»

Может быть, потому, что среди нас самих вроде бы не принято не употреблять спиртное — ну и ребята тоже готовятся к «взрослой» жизни... Страшная психология! Страшная своим полным незнанием, неосведомленностью, с чего начинается алкогольная болезнь, неверием в опасность выпивок».

Читатель — из тех, у кого «не принято не употреблять спиртное», — и здесь усомнится, скажет: «Во дворах, в скверах — это, конечно, плохо. Ну, а при чем тут культурное винопитие — дома, перед обедом, в ресторане — да так, чтобы чин по чину и в малом количестве, как у тех стариков — в Румынии и Болгарии?..»

Две точки зрения: одна — пить надо в меру, понемногу, желательно, очень немного; и другая: пьянство — зло, в любых видах, по любому поводу, в любых количествах!

В ПЛЕНУ ТРАДИЦИИ

Кто же прав? Кому верить? Почему такие противоположные точки зрения существуют на вопрос, касающийся здоровья миллионов людей?..

Можно было бы сказать: авторы «Труда» некомпетентны, а в «Вечерней Москве» пишет врач, специалист по наркологии. Он больше знает, ему и верить.

К сожалению, вопрос не так прост.

Пищущему эти строки недавно довелось быть на юбилее у одного литератора — известен он своей моголетней борьбой против пьянства, сам не пьет и жена его не пьет, а на столе были и коньяк, и вино, и водка.

«Что же это такое?» — спрашиваю у него тихонько. Он пожимает плечами, виновато говорит: «Да как же иначе, ведь не поймут».

Хорошо эту психологию выразил поэт Владимир Котов в стихотворении «Пей до дна».

Средь традиций самых разных
есть нелегкая одна.

Если встреча,
если праздник,
значит, пей!

И пей до дна!

Пей одну и пей другую,
и седьмую, и восьмую, —
просят, дают, жмут «друзья»!

— Ну, а если не могу я,
ну, а если мало пью я,
ну, а если мне нельзя!

...Хоть давься, но должен пить!..

Традиция, ритуал... В плену у них оказывались многие. Едва ли не от каждого, с кем заговоришь на эту тему, можно услышать: «Сам-то я могу и не пить, но вот как быть с друзьями, которые пришли к тебе в гости?». Думается, есть в подобных рассуждениях изрядная доля преувеличений трудностей. Встречать дорогих людей с бокалом ядовитого питья не обязательно. Особенно тем, у кого дети. Они или подражают взрослым, или, наоборот, проявляют бурный протест.

Мой внук Денис был еще маленьким, когда мы вслед за Угловыми окончательно решили не только не пить самим, но не угощать спиртным и друзей. Внук рос в обстановке полного неприятия пьяных застолий. С тревогой наблюдали мы, как относится он к пьющим товарищам-школьникам, а их со временем, к сожалению, становилось больше и больше. И когда его приглашали на день рождения, мы волновались: «Не выпьет ли?» Но нет, Денис к рюмке не притрагивался. А когда мы спрашивали: «Ты себя в компании не чувствовал белой вороной?» — отвечал: «Нет, они знают: я не пью и не собираюсь пить».

Конечно же, приятели подтрунивают над Денисом, пытаются оспорить его трезвеннические убеждения. Парень все время испытывает влияние двух сил: семейную, трезвенническую и — уличную, винопитейную. И, естественно, его посещают сомнения. Он старается сам разобраться в этой проблеме. Читает статьи, внимательно смотрит и слушает антиалкогольные телепередачи. А когда вышло постановление о преодолении пьянства, дважды перечитал его и сказал:

— Так это против алкоголиков!

— Почему?

— Водка-то остается.

— Водка остается, но пить ее — значит идти против общества. Видишь, сколько ввели ограничений. Например, до двух часов дня не купишь водку. На работе не выпьешь. Да и дома поостережешься. Завтра-то на работу...

Денис на это пытается возражать, в ход пускает расхожие суждения:

— За ночь человек проспится. А что до двух часов... так любители выпить впрок запасут. Купит целый ящик и будет сосать.

— Под одеялом, что ли?

— Зачем... С друзьями.

— А друзей-то, охотников до водки, меньше становится.

— Да почему?

— Опять — почему? От глаз людских не спрячешься. А если ты пьешь — тебя за версту видно: у тебя и ноги дрожат, из рук все валится, под глазами мешки синюшные, а в глазах — пьяная одурь. Нет, друг Денис, ты вокруг ясного вопроса демагогию не разводь. Жизнь и время теснят 'пьяниц. И ты своим товарищам — тем, кто голову тебе морочит, — можешь сказать смело: не от большого ума они с малых лет к рюмке тянутся. Не с той стороны в жизнь заходят. В будущем люди строже за пьяниц возьмутся.

— Ну вот и ты, дедушка, говоришь: за пьяниц. А товарищи мои, какие они пьяницы, если рюмку-другую на вечере выпьют?

Юношу можно понять: с винопитейной психологией, вошедшей во все поры общества, трудно бороться. Вино, как непременный атрибут праздничного стола, как спутник веселья, крепко вцепилось в неокрепшие умы нашей молодежи. И нужно будет пройти нелегкую дорогу, потратить немало сил, чтобы начисто выгравить этот ядовитый винно-хмельной туман не только из сознания молодых людей, но и из всей нашей жизни.

Отрадно, что мой шестнадцатилетний внук, по мере осознания важности проблемы, проникается желанием помочь другим избавиться от вовлекающего порока.

Недавно мне довелось быть на безалкогольной свадьбе сына моего товарища. Гостей было около семидесяти человек, ритуалу, как жестокому боже-ству, и на этот раз была отдана дань, но... почти символическая. На огромном столе, среди разноцветья соков и напитков, затерялась замшелого вида пузатенькая бутылка коньяка столетнего возраста — подарок какого-то заморского гостя. Ее все видели, кое-кто попробовал, но и она до конца пиршества простояла едва початой.

Один литератор, слышавший за горячего поклонника Бахуса, поднимая бокал с клюквенным соком, сказал:

— Прошу засвидетельствовать. Иначе не поверят, что был на свадьбе и не выпил грамма вина.

Знакомый врач, сидевший со мной рядом, недоуменно поводит взглядом по рядам сосудов с соками, склонялся ко мне, трагически вопрошал:

— Так-таки и ничего нет?

Я утвердительно кивал головой: «Нет. И, по-видимому, не будет».

Через час-другой все освоились с отсутствием спиртного. Произносили умные тосты, много смеялись, потом так же много и красиво танцевали.

В полночь, расходясь по домам, говорили: «Вот ведь... Свадьба — и без вина. Оказывается, можно. И даже лучше — и настроение хорошее, и голова светлая». К сожалению, безалкогольная свадьба в наше время — большая редкость. И случается она не из естественной потребности всех собравшихся на нее гостей, а из смелого протеста организаторов этого семейного торжества против алкогольной заразы. И выглядит пока лишь как дерзкий вызов, как призыв ко всеобщему отрезвлению.

По данным мировой статистики, во всех развитых странах, особенно в последние годы, увеличивается производство и потребление алкогольных напитков.

К сожалению, мало конкретных данных о количестве пьющих. Статистика, словно красная дева, стыдливо замалчивает цифры. И так во всех странах: народам и государствам, видимо, нелегко признать свой грех, и они прикрывают его фивовым листком мнимого благополучия.

Поразмыслим над одной цифрой — она приводится в книге «Алкоголизм».

«По вине большого алкоголизма так или иначе страдают семь-восемь человек, связанных с ним родственными, семейными и производственными узами».

Могут сказать: алкоголик — не мертвец, не убитый. Это верно. Но кто может сказать, что лучше: жить с вечно пьяной идиотской физиономией или не жить вовсе?..

Самое удручающее в мировой статистике, и в нашей в том числе, — это то, что в последнее десятилетие, и особенно в последние годы, пить стали подростки и юноши. Пить стали наши женщины. Вот что особенно тревожит.

Накануне нового века — в 1889 году — выдающийся русский ученый-психиатр И. А. Сикорский предвидел эту опасность. Он обратился к женщинам с воззванием:

«Вниманию русских женщин! Женщине принадлежит высокая роль, на которую указывал Кант: быть орудием нравственного развития и усовершенствования человеческих обществ. Эта роль не может быть выполнена представителем другого пола в такой мере, как женщиной. Будучи более тонкой, более нравственной, менее склонной к преступлениям, женщина является естественным

носителем нравственных идеалов. Женщина всегда являлась ревностным поборником трезвости во всех странах, во все времена».

Да, всегда являлась... И ныне женщина продолжает начатый еще в древности бой за высокую мораль и нравственность в семье и обществе, бой за трезвость. Но теперь силы ее в этой борьбе поубавились. Она и сама поддалась соблазну зеленого змия — пьет наша женщина, если не пьет — попивает... Вспомните любую пирушку, любое застолье. Редкая женщина брезгливо отстранит от себя рюмку.

Одна бедная душа, девочка лет четырнадцати, написала в газету: «Я отказываюсь пить вино, а девочки с нашего курса называют меня белой вороной, несвоевременной и синим чулком».

И все-таки... Все-таки женщина в сравнении с мужчиной пьет куда меньше. В десять, в двадцать... пожалуй, в сто раз меньше! И, может быть, потому она еще и ныне остается главной нравственной силой в борьбе за экологическую выживаемость общества, опорой государства в развернувшемся ныне повсеместно наступлении на зеленого змия. Галина Кондрашкова никогда не сочиняла стихов, но всенародный поход, объявленный нашим государством против пьянства, вдохновил ее, и она написала поэтическое обращение к женщинам:

**Жены, матери, Ярославны!
Время нам совершить подвиг славный.
Ну, доколе нам слезы лить,
Сыновей, мужей хоронить?
Для кого же мы вас рожали?
Для кого же мы вас растили?
Нынче водка вас опоила,
Тех, кого война не скосила.
Одиночка-мать. Одиночество.
У детей ни отцов, ни отчества,
Застонала вновь вся Россия,
Как от полчища от Батыева.
Эта темная, тайная сила
Обвила петлею полмира,
Занесла на детей свое жало,
Ничего святого не жаль ей!
Соберем же в едином порыве
Нашу мудрость, любовь и силу.
Не дадим погибнуть мужчинам,
Не дадим погибнуть России!
О, великая русская женщина!
Ты великим терпением венчана,
Ты, великую силу сокрывшая,
Красотою весь мир удивившая,
Соверши этот подвиг славный,
Василиса и Ярослава!**

Вот если бы с таким пафосом и страстью обращались к людям профессиональные пропагандисты, наши журналисты и публицисты. Но нет, наша пропаганда редко кого отвращает от пьянства. Она и теперь ведется подчас серо, неумело, а случается, и неграмотно. По телевидению берут интервью у человека вроде бы благополучного — у него и дом полная чаша, и на работе преуспевает, а о пьянстве говорит: «Пить можно, я и сто грамм выпью, и больше, а порядок знаю». Показывают, как принимает гостей — на столе водка, коньяк. Правда, тут же пытаются разоблачить его суждения, но многие зрители, особенно молодежь, смотрят не на то, что о нем говорят, а на то, как он живет. Живет-то он неплохо и собой молодец!..

В беседах, лекциях, интервью пестрят словечки: «выпил лишнего», «не знает меры», «не вовремя приложился к рюмке» — скрытые призывы пить, но... в меру, вовремя, не на работе и т. д.

На тему о пьянстве я часто заговариваю с людьми незнакомыми. Сидишь этак в электричке по пути в Москву или из Москвы на дачу и говоришь соседу:

— Меньше стало пьяных — вон, смотрите, в вагоне полсотни людей и ни одного под хмельком.

Сосед всматривается в лица пассажиров — вроде бы он соглашается: да, пьяных не видно. Однако говорит:

— Сколько пили, столько и пьют.

— Не скажите! — пытаешься возражать. — Пьянство заметно пошло на убыль.

Сосед глубокомысленно молчит, потом замечает:

— Сложная это проблема. До конца не вытравившь дурную страсть.

— Такая точка зрения, извините, пессимизмом отдает. Сейчас, можно сказать, весь народ за пьяниц взялся.

Рядом сидит мужчина лет сорока. Слушая нас, покачивает головой, ухмыляется. В разговор вступает без предисловий:

— У нас вчера начальник пеха вызвал пьяницу и говорит: «Сколько тебе надо выпить, чтобы ты окосел?»

Пьянчуга ему в ответ:

— А тебе?

Потому как начальник-то тоже пьет.

— Сегодня пьет, а завтра перестанет, — продолжаю я подбадривать скептиков. — Ныне ведь как ставится вопрос: если сам пьешь, какой же ты воспитатель?..

Наперебой заговорили женщины, даже те подавали голос, которые сидели на соседних лавках. У одной в руках была газета.

— Вот тут, — сказала она, — женщина пишет. У нее отец упал на улице и умер от инсульта. Люди это видели, и никто не помог. Вот — слушайте: «Люди! До чего мы дошли... Каждый из нас настолько привык к пьяному окружению, что неожиданно упавший на улице человек вызывает не естественное стремление помочь, а объяснимое, скорее уже рефлекторное чувство безразличия».

ДВАЖДЫ РОЖДЕННЫЕ

Борис Качан пришел к Шичко на второе занятие. Пришел с твердой решимостью внимать и слушать. «Настроюсь на мирный и добрый лад, — думал он по дороге в клуб трезвости. — Буду слушать, постараюсь понять».

И слушал.

А Шичко начал с вопроса.

— О чем мы вчера вели речь?

— Изучали словарь.

— Ага, словарь... На прошлом занятии я объяснял вам слово «алкоголизм»...

Он сделал паузу, осмотрел слушателей. Подошел к Качану. Сказал:

— Вы, Борис Петрович, с прошлого занятия ничего не пили. Это хорошо. Это залог того, что дело у вас пойдет на поправку. У вас ныне и лицо светлее, и блеску в глазах больше, — ваше сердце работает сегодня лучше. А скажите мне, пожалуйста, вы запомнили, что такое алкоголизм? Расскажите нам своими словами, как вы понимаете это слово?

Качан поднялся, несмело взглянул в лицо учителя. Он был взволнован и растерян. «Как мальчик! — мелькнула мысль. — Как ученик, забывший урок». И еще подумал о Шичко: «Кто он? Что за человек?.. На фронте ранен в обе ноги, однако твердо стоит на протезах».

Стал объяснять своими словами:

— Вы говорили о питейной запрограммированности. Конечно же, вы правы. К примеру, в ЭВМ закладывают перфокарту... программу действия. Она работает по этой программе. Так в человека с детства закладывается положительное отношение к вину, нечто вроде фатальной необходимости. Пить, пить — и только пить. Пьют все, пей и ты... Еще будучи детьми, мы слышим, видим... И со временем картины детства оформляются в убеждение...

— Вы верно все толковали, — согласился Шичко. — Именно перфокарта — она и есть, наша питейная запрограммированность. Вы кандидат наук? Кажется, технических? Ведь, наверное, не читали статей по антиалкогольной проблематике?

— Читал, но... без доверия. В них страхи да угрозы, да призывы бросить пить. Я, знаете, не люблю назиданий.

— Да, верно. Сам удивляюсь, как однообразно и примитивно пишут иные

авторы. Есть, правда, и основательные работы. Хотите, я дам вам кое-что почитать?

Шичко помолчал и вдруг обратился к группе:

— Кто-то говорил... не обязательно нам изучать словарь... А вот письмо. Два приятеля — они к нам ходили. Вот... пишут: «Изучая словарь, задумывался, а кто же мы и под какое определение подходим. И уже одно это явилось толчком к отрезвлению. Нет, это очень хорошо, что вы, Геннадий Андреевич, придумали такой словарь. Раньше-то пил и не думал, как тебя по-ученому называют, до какой черты докатился. А тут все ясно указано, и ты впервые глянул на себя со стороны, и тебе сделалось противно...»

Геннадий Андреевич сел сбоку стола, за столом — женщина. Голос звонкий, чистый:

— Сегодня зачитаем тот раздел словаря, где определены стадии... Вы слушаете, и каждый ставит себе диагноз. Первая стадия: слабая потребность; вторая стадия: средняя потребность; третья стадия — сильная... Умеренно пьющий — тоже пьяница. Слово «умеренно» — неуместно, это нелепость, выдумка. Нельзя умеренно красть, умеренно врать, умеренно истязать... Умеренно пить яд, отравляться... Хочет выпить, значит, есть потребность... Пьяница.

Геннадий Андреевич подходит к одному из слушателей... Качан слышит разговор:

— Как у вас?

— Не пил. Был в гостях, шутками отделался.

Подходит к другому:

— А вы?

— Пока не пью. Но — боюсь. У меня и раньше было: с год не пью, а потом... как врежу.

— Ходите на занятия. Очищайте сознание, закрепляйте.

С конца лавки поднялся седой, тучный...

— Был в командировке — не пил, а недавно сорвался. Выпил с друзьями. Но — спохватился, потом одумался.

— Вы кем работаете?

— Артист. Полгода занят делом, полгода — нет. Много свободного времени, в этом, пожалуй, причина.

— Нет, не в этом. Держится запрограммированность. Ходите на занятия, освобождайтесь. Лицо у вас стало лучше. Осанка, взгляд... во всем жизнь, энергия. Ходите на занятия, ведите дневник, проявляйте активность. Все дело в затемнении сознания. Это вот как пасмурный день: давят тучи, моросят дождем. У вас еще нет уверенности — тут вся причина.

Один молодой человек (о нем Качан подумал: «тоже, как я, научный работник») сказал:

— Был в командировке, пил три дня. Очень жалею. Приехал, живу неделю — не пью. Жду занятий... Бегу сюда, верите ли, как на праздник. Знаю: здесь мое спасенье.

Шичко поднял руку: внимание!

— Вспомнил эпизод — хочу рассказать вам. Пришли ко мне два капитана 1 ранга — вместе учились в Морской медицинской академии. «Ставь, ставь бутылку. Давай выпьем!» А я им: друзей ядом не угощаю. Огорчились, но... не обиделись.

С заднего ряда поднялся мужчина в кожаной куртке.

— Ко мне тоже... пришел товарищ с вином. А я ему: «Нет, пить не будем». — «Ты что, с ума сошел!» — «Наоборот, вошел в ум...»

Все засмеялись...

— Друзей теряем, — раздался чей-то голос.

— Это не друзья, а собутыльники. Настоящие друзья вас поймут и останутся с вами.

В тот вечер Качан прямо из клуба зашел ко мне в номер. Попросил:

— Расскажите, пожалуйста, о Шичко. Я знаю: он фронтовик, ранен в обе ноги и еще, мне кажется, плохо видит?..

...Да, война не оставила на нем живого места. Осколком снаряда выбило берцовую кость, и он теперь может передвигаться только с помощью особого механического протеза. И глаза опалило огнем — врачи не верили, что будет жить, а он каким-то чудом выжил.

Профессор Иосиф Сергеевич Розенталь, ученик Павлова, говорил директору института, в котором Шичко работал много лет: «Не губите Геннадия Андреевича как ученого, поддержите его». Другой ученик Павлова, Николай Иванович Красногорский, дал письменный отзыв: «Работы Г. А. Шичко по исследованию второй сигнальной системы имеют большое значение для физиологии». Но... Геннадия Андреевича не берегли. Независимый характер, неумение и нежелание льстить дорого обходились ученому. Недоброжелатели только и ждали случая, чтобы избавиться от строптивого коллеги. И случай представился: подошел пенсионный возраст, и его «с почетом» проводили на пенсию... Но это, как говорится, другая тема...

Разрабатывая учение о второй сигнальной системе, Шичко невольно задел основы гипноза, пришел к смелому выводу: гипнозу не нужна мистическая основа — эффективные взмахи рук, страшные глаза и прочие театральные атрибуты. И совсем не нужен сонный пациент. Пусть бодрствует, пусть ясно мыслит. Задача гипноза в другом — в достижении высокой сосредоточенности. Раньше гипнотизер искал слабовольного, Шичко заявил: мне больше по душе человек сильный, умный, развитый. С ним скорее можно установить связь, взаимопонимание.

Выводы ученого были так неожиданны, что им, конечно, не поверили. Ну, говорили, вот, нашелся ниспровергатель! Сотни лет существуют гипноз и гипнотизеры, найдены методы и приемы — они приняты во всех странах, разработаны, отшлифованы, дают эффект — и вдруг все это побоку! Опыт народов, многих поколений...

Нужны были доказательства. И Шичко приступил к опытам. На ком? На живых людях — почти здоровых, почти нормальных... Мы говорим «почти». Потому что люди эти увлекались алкоголем. Шичко решил им помочь, а заодно проверить и свою новую теорию гипноза. Приходит к нему человек, желающий избавиться от привычки курения или пьянства. Шичко говорит: «Садитесь, пожалуйста. Настраивайтесь на мой голос». Сам продолжает писать. И хотя на пациента не смотрит, но чувствует его, «слышит» внутреннюю работу его второй сигнальной системы. Говорит: «Вам нужна сосредоточенность. Постарайтесь собрать все свое внимание, еще лучше, еще...». Сам продолжает писать и к пациенту не поворачивается. И когда тот психологически настроен (весь внимание), начинает беседу. Обыкновенную, без каких-либо внешних эффектов. Спросит: «Зачем вы курите?». Пациент пожимает плечами, старается ответить разумно, логично, но слов не находит. Как умный человек, понимает, что любой ответ будет несерьезен — он лишь унизит его, выставит безвольным, глупым. Многие предпочитают молчать. И тогда Шичко говорит: «Когда-то вам сказали: «На, покури». И дали папироску. Вы затаились, вам стало дурно, вы закашлялись и хотели бросить окурочок, но вам настойчиво повторяли: «Кури!» — и вы курили. Выполняли чужую волю — злую, вредную. И, к сожалению, до сих пор не знаете, к каким ужасным последствиям ведет папироса. Ответьте мне на вопрос: сколько сигарет в день вы выкуриваете? Тридцать-сорок. А знаете ли вы, что каждая сигарета уносит пятнадцать минут вашей жизни? Нет, не знаете. И не верите. Тогда я вам прочту...»

Шичко закрывает книгу, смотрит в глаза пациенту. Тот спрашивает:

— Как высчитали цифру... пятнадцать минут жизни?

Шичко протягивает пациенту книгу:

— Здесь все рассказано.

Беседа длится двадцать-тридцать минут. Иногда час. Пациент, если хочет, придет и в другой раз, и в третий... Нередко после первой же беседы скажет:

— Спасибо, Геннадий Андреевич, я отныне не курю — бросаю. И это твердо. Можете мне верить.

— Но вы ведь и раньше зарекались?

— Да, и не однажды. Но все как-то несерьезно, не думал, что так уж она вредна, эта привычка. А главное — никто не внушил мне, что курю-то не

по своей воле. Вот ведь читал статьи, бывал на лекциях, а так просто... никто не проникал в сознание.

«Проницаемость!» Дойти до сознания, привести в действие вторую сигнальную систему... Словно электрической искрой ударить, взбудоражить, взвихрить мысли... Разрушить прежнюю цепь суждений, возбудить протест и дать толчок новым мыслям. Заложить основы новому убеждению...

Такую цель ставит перед собой Шичко.

РАДОСТЬ НА МИГ — ГОРЕ НАДОЛГО

На следующий день занятий в клубе не было. Качан сразу же после завтрака вернулся в номер, сел за письменный стол и весь день читал статьи, выписки из книг. И ему мало-помалу открывались грани проблемы, которая, как он теперь понимает, является наиважнейшей для всего человечества.

Проблема эта, полная драматизма, чрезвычайно сложная. Пьющий человек в своих воззрениях на вино остался примерно на тех же позициях, что и араб, живший в шестом-седьмом веках — в то время арабы сумели выделить винный спирт и назвали его «аль-кеголь», то есть сдурманивающий. Но многие его называли еще и «аква-витой» — водой жизни, «чудодейственный эликсир», «огненная вода». Хлебнув ее глоток-другой, тот первый араб «воспарил в облака». Мир порозовел, сделался бесплотным. На душе легко, просторно. И не было врагов — напротив, все его полюбили и он ко всем воспылал нежным чувством. «Ах, хорошо!.. — воскликнул он. — Аква-вита». И безмятежно уснул.

Проснувшись, ощутил боль в голове, сонливую одурь и тяжесть во всех членах. Но тут же вспомнил, как хорошо и легко было ему в состоянии опьянения. И снова потянулся к сосуду с «аква-витой».

Бедный наш предок! Знал бы он, какое дьявольское зелье подарил он миру!..

Не лишенный мудрой прозорливости, Мухаммед — основатель мусульманской религии, провидел злосчастную силу «веселящей воды», сумел убедить соплеменников не пить отравы. Запрет этот принял форму догмы и вошел в коран — свод мусульманских законов. Двенадцать веков не знали мусульманские страны алкогольных напитков, но затем и их познакомила с вином западная «культура». Западные же страны сполна хлебнули горя из чаши спиртного. И все оттого, что многим людям, как и тому арабу, понравилось состояние «невесомости», этакой бесплотной, розово-радостной эйфории, когда все в мире кажется безоблачным и прекрасным, когда в глазах зажигается счастливый огонек блаженства.

Вино сообщает человеку состояние мнимой приподнятости. Мир со всеми своими реалиями отключается. Человек погружается в себя — в сферу своих ощущений. И если он даже продолжает оставаться в кругу товарищей, все равно он занят собой и от других требует внимания к себе, только к своей собственной персоне. «Ты меня уважаешь?.. Нет, ты скажи: уважаешь меня или нет?..»

И никто из них не подумает о том, как они глупо и пошло выглядят. Никому и в голову не придет мысль о возможных осложнениях в семье и на службе, потому что каждый совершенно уверен в себе — в том, что выпьет немного, что будет благоразумен и что, следовательно, ничего плохого с ним произойти не может.

И так бы оно, наверное, и было, если бы... вино не обладало свойством с первой же своей атаки поражать мозг — причем его высший ассоциативный раздел, тот самый раздел, который одни эмоции притормаживает, другим дает выход: заведует вопросами этики, эстетики, поведения. Первая же рюмка вышибает из строя механизм самоконтроля, и человек, подобно автомобилю без тормозов, летит с горы неуправляемый.

— Ах, была не была — наливай! — машет рукой подгулявший молодец. И пошло, и поехало...

Характер пьющего меняется. Притушается интерес к другим людям, внимательность, чуткость. Пьяница лжет, берет займы деньги и не возвращает, легко изменяет в дружбе. Все высокое: долг, честь, достоинство — все эти

благородные, красивые свойства души выветриваются с винными парами, круг интересов сужается, человек реже смеется и чаще ворчит, рюмка, как злая колдовская сила, привораживает его.

Один старый артист, помнивший нравы провинциального русского театра начала века, говорил: «Прежде мы тоже пили, много пили, но... не так много и не так часто, и не все артисты нашего театра пили. К примеру, меня взять... Я не пил. И два моих товарища — тоже не пили. Почти не пили. А что до женщин нашей труппы... Женщины не пили. Нет, не было такого».

Старый актер — ныне покойный — был мудрым человеком и любил наблюдать жизнь. Его память хранила множество любопытных и весьма поучительных историй. Рассказывал о певце, обладавшем редким по красоте и силе голосом. Но артист этот пил, много ел, вел беспорядочный образ жизни. И очень скоро голос от него ушел. Показывая на него, острословы из актерской труппы невесело шутили: «меццо-пропито».

Рассказы о прошлом старый актер обыкновенно заключал:

— Теперь пьют больше, почти все пьют. Я даже не знаю исключения. Существует какое-то чудовищное фатальное заблуждение: вроде бы алкоголь восстанавливает силы, встряхивает организм, обновляет, дает зарядку нервам, но я-то вижу, меня, старого воробья, не проведешь: от вина силы убывают, человек никнет, вянет, словно цветок от холодного ветра. И лицо тускнеет, и глаза тухнут. Алкоголь человеку зла прибавляет. Он становится черствым, бессердечным.

«Бессердечным...». Интересно бы эту мысль мудрого, пожившего на свете человека да проверить бы методом психологического анализа, да исчислить бы на электронно-вычислительных машинах все потери, которые несет человечество от одного только этого свойства алкоголя — зла прибавляет. Собрать бы воедино да помножить на горечи, обиды, сердечные боли, семейные драмы... Да проникнуть бы во всю эту механику, осознать, сделать выводы.

Болгарский поэт Петро Славейков еще в прошлом веке заметил:

«Никогда нельзя внушать питье, потому что предание пьянству губит твои: 1. Деньги; 2. Время; 3. Характер; 4. Здоровье; 5. Независимость; 6. Достоинство; 7. Чувства; 8. Самоуправление; 9. Уважение; 10. Спокойствие; 11. Благополучие жены и детей; 12. Будущее детей; 13. Честь отечества; 14. Жизнь; 15. Душу...»

Может быть, и не читали этих заметок рабочие Хабаровского завода отопительного оборудования, но в письме в «Правду» говорят о том же:

«Приходят, конечно, и такие, кто переменял не одно рабочее место, кого вытрезвителем не удивишь. У них снижен порог ответственности, психология пьяницы расшатала его характер и волю...»

«...Деньги получают немалые, а расходовать их с умом не умеют. Вот и пьянствуют. Тем более надо учесть, что интересы таких людей весьма не развиты, у них приглушена тяга к культуре».

Да, люди единодушны в том, что алкоголь отнимает у человека все — и саму жизнь, но прежде всего он холодит душу, выветривает из нее все человеческое. Недавно я читал книгу Юрия Николаевича Рериха «По тропам средней Азии». Есть там описание одного видного китайского чиновника (дитая) Ма Фусиня. Необыкновенной жестокостью отличался этот человек.

«Это был деспот, — пишет Ю. Рерих, — не знавший пощады ни к китайцам, ни к местным тюркам. Он выстроил себе огромный дворец в китайском городе, или кашгарском Ханьчене, и владел несколькими летними резиденциями в окрестностях Кашгара. Он построил мосты и дороги и посадил вдоль них деревья, причем местному жителю, который осмеливался задеть дерево своей повозкой, отрубал на обеих руках пальцы. Дитая имел собственные предприятия вблизи Хотана, интересовался перегонкой нефти и держал большую фабрику по обработке нефрита, где работали лучшие хотанские мастера. Ма Фусинь безжалостно устранял конкурентов в коммерческих делах. Несчастных вызывали во дворец губернатора и там их казнили или увечили, отрубая руки. Сейчас многие из этих жертв умерли, но некоторые все еще просят милостыню на кашгарских базарах, являясь свидетелями кровавого деспотизма...»

Читаешь эти строки и думаешь: человек без сердца! Ни капли жалости и сострадания, только жестокость, подлость и коварство. В чем причина? Где искать разгадку такому гнусному феномену человеческой породы?

Юрий Николаевич отчасти помогает нам объяснить природу поступков этого человека.

«Он был известен... пристрастием к крепкой китайской водке, которую всегда пил за обедом».

Конечно, жестоких людей рождает и природа, злым своим свойствам характера помогает развиваться и среда, но здесь, очевидно, не последнюю роль играла «крепкая китайская водка». Дитяй был постою пьян, не выходил из состояния наркоза; слабые зачатки добра, если они и были в нем от природы, хмель подавлял, и пьяный деспот не знал, не слышал голоса собственной совести. Неограниченная власть и отсутствие здравого мышления породили чудовище, которое много лет наводило ужас на всю подвластную ему округу.

В народе говорят: «Пропил совесть».

Вы знаете только то, что человек пил, но вам неведома та повседневная, разрушительная работа, которую производит алкоголь внутри организма. Впрочем, если вы наблюдательны, вы заметите и внешние перемены: человек сутулится и голову держит не так прямо, как прежде, взгляд потух, под глазами мешочки, складки лица отяжелели, цвет кожи посерел, местами обозначились нездоровые красноватые пятна.

И это происходит с умеренно пьющим, с человеком, который знает, где пить, когда пить и с кем пить. Подчас такой и неделю спиртного в рот не берет, но в другой раз — через день, а то и каждый день... Глядя по обстоятельствам. Таких никто не считает пьяницами и причину метаморфозы их внешности — особенно характера — склонны объяснять временем: мол, годы идут, они не красят. Но время не так скоро меняет черты лица. Характер переменчив. Лицо трезвого человека умнеет со временем, становится более одухотворенным, привлекательным. А что до взгляда, то в нем с годами появляется свет опыта и знаний, магнетизм укрепившейся воли, очарование мудрости поживавшего жизнью человека.

У нас нет выбора: или вино — и с ним весь букет потерь и несчастий, — или трезвость. Алкоголь и прогресс — несовместимы, они — антиподы, друг друга исключают.

Революция в семнадцатом году совершалась в трезвом состоянии. Трезвыми поднимали наши отцы страну из разрухи в двадцатых годах. Иные говорят: водку не продавали в магазинах, но люди гнали самогон. Да, гнали. Но количество самодельного спиртного зелья — самогона, браги, пива — было в десятки раз меньше, чем монопольной водки. На мужчину средних лет приходилось четыреста граммов спирта, или один литр водки в год.

В 1925 году И. В. Сталин предложил вновь ввести «монополюку» — кстати, в беседе с иностранными рабочими он обещал, что мера эта временная, что производство алкоголя мы отменим, как только решим срочные экономические задачи. Но, как известно, мера эта не была осуществлена. В 1925 году наш народ потреблял один-два литра в год на душу населения. Пил немного, а женщины, дети и даже молодые люди в эту пору не пили совсем. Сказывалась привычка к трезвой жизни, выработанная десятилетиями сухого закона. Примечательно, что русский народ мало пил и в последующие годы. Перед войной, в 1940 году, мы потребляли всего по три литра в год на душу населения. Во время войны и вовсе мало пили — не до того было! Да и после войны в народе стойко держалось сопротивление зеленому змию. Даже в 1953—1955 годах мы потребляли три-четыре литра... И только с начала шестидесятых годов кривая потребления алкоголя резко поползла вверх.

Как-то попалась на глаза заметка из газеты «Правда Украины». Многие она объясняет — и количество пьющих у нас, и потери, которые мы несем от пьянства. Знаменитый на Украине кадровый рабочий Михаил Иванович Сукретный говорит корреспонденту газеты: «В сельском хозяйстве страда. Помочь убирать урожай надо — за это рабочих не стоит агитировать. Однако мы посылаем в совхоз имени 60-летия Октября несколько сот человек в месяц, а в совхозе из-за прогулов теряют больше человеко-дней, чем отработывают заводчане».

Постеснялся сказать рабочий: прогулы-то в основном из-за пьянства.

Десятки миллионов людей, неустойчивых в делах, ненадежных в дружбе, лишенных любви, почитания, поклонения, — ибо кто же будет любить пьяницу, кто понадеется на мужскую верность алкоголика, кто из детей, подростков

возьмет себе в образец человека с идиотски-пьяной физиономией?.. А скольким они отравили жизнь? Сколько по их вине разбитых судеб, обманутых надежд, горьких обид и разочарований?

Недавно журнал «Работница» сообщил:

«В Москве, к примеру, из молодых женщин и мужчин в возрасте от 18 до 30 лет треть одиноки. А в целом по стране людей брачного возраста, не состоящих в браке (наряду с холостяками и незамужними имеются в виду вдовы и вдовцы, а также бывшие супруги из распавшихся семей, которым пока не удалось выйти замуж или жениться повторно), — более 40 миллионов».

Вряд ли кто может привести точный анализ такого явления, но наверняка и здесь во многих судьбах злую роль сыграл все тот же зеленый змий. Как часто мы слышим: «Лучше жить одной, чем каждый день видеть пьяную физиономию». Не всякая девушка пойдет замуж за пьяного парня. Если же мужчина заметит в своей избраннице тягу к спиртному, то едва ли отважится взять ее за жезл. Скажет: «Сам пью, а тут еще жена будет попивать, — нет уж, увольте».

ПРОЗРЕНИЕ

В день отъезда нам с Борисом позвонил Шичко и пригласил в гости к его слушателям: мужу и жене К.

Я знал главного инженера К. Вернее, слышал о его большом таланте, о том, что завод, где он работает, многими своими техническими новшествами и высоким уровнем производства обязан Виктору Петровичу К., и что одно время этот замечательный инженер и организатор вдруг ударился в загулы, и кое-кто уже готов был «поставить на нем крест», но...

Впрочем, лучше всю историю узнать из первоисточника.

Поезд наш отправлялся в полночь. Мы с Борисом имели свободный вечер и предложение Шичко приняли с удовольствием. Дверь открыла худенькая, изящная женщина, совсем еще молодая, лет тридцати.

— Входите, входите... Геннадий Андреевич уже здесь, а муж просил извинить — задерживается на заводе.

Мы осмотрелись. Квартира просторная, богато, со вкусом обставленная. Множество радиоприборов, магнитофонные усилительные установки. Книжки, дорогие безделушки. Все говорило о достатке хозяев.

Вера Антоновна, видимо, заметила наш интерес к обстановке, сказала:

— Это все — родители. И квартиру нам купили, и мебель — все, все! У моего мужа отец — профессор, у меня — крупный инженер, а мать — доктор наук.

— Ваш муж, надо полагать, тоже имеет хорошую зарплату, — сказал я.

— Да, зарплата неплохая, но мы... лет пять пили, все до рубля спускали...

Она ловко и бесшумно двигалась по комнатам, собирала на стол чайный сервиз. Ей, видимо, доставляло истинную радость принимать гостей.

— Ах, как это славно, что вы решились наконец к нам зайти! — сказала она Геннадию Андреевичу и по-родственному мило и нежно коснулась щекой его щеки.

Обращаясь к нам, добавила:

— Мы с мужем обязаны Геннадию Андреевичу вторым рождением.

Глядя на эту женщину — такую светлую и счастливую, никак не верилось, что еще недавно она увлекалась пьянством. И не одна, а вместе с мужем — можно сказать, всей семьей. У них есть четырнадцатилетний сын, но бабушка взяла его к себе. Сын и сейчас живет у деда-профессора, частенько приходит к родителям, но возвращаться к ним насовсем пока что не решается.

Вера Антоновна говорила о сыне с веселой усмешкой — дескать, вовремя сбегал от нас, а теперь-то он вернется. Нам, конечно, не верят. Даже родители смотрят на нас с опаской, но мы-то знаем: дурь эта выветрилась навсегда.

Женщина посерьезнела, в глазах отразился след недавней беды.

— Вы не представляете, до какой черты мы с муженьком докатились. Понемногу-то и раньше попивали, но она, проклятая, точно зыбкое болото... Я работаю в районной санэпидстанции. Специалист по насекомым. Ну, спирт

у нас, зелья разные для потравы разносчиков болезней. А начальница моя любит повторять: «Разные твои букашки-таракашки обойдутся и без спирта, он нам и самим нужен». Разольет к обеду по стаканчикам — мы и выпьем. Дальше — больше, домой прихожу пьяненькая. Муж скандалит, а я в ответ: и сам ты пьешь, так что замолчи. Ему бы бросить совсем да за меня взяться, а он, наоборот, стал больше пить, да вечерами, а то и ночами где-то бражничает. Однажды его привезли дружки совсем тепленького, в коридор втащили да и бросили. Гляжу на него, а и сама-то пьяненькая. Наутро протрезвела, задумалась: а ведь этак и совсем погибнем. А тут, на счастье, заметку в газете прочла — о клубе трезвости. И словно кто в спину толкнул: иди!.. Я и пошла. Геннадий Андреевич выслушал меня, сказал: «Вон там свободное место — садитесь». День хожу, другой — вроде бы что-то и понимаю, но сама думаю: чем же они мне помогут? Неужели все просто так — послушаю их и пить брошу?.. Однако слова западают в память, тревожно на сердце... Потом и цифры стала запоминать... Не себя одну вижу, а общую картину этого ужасного пограничья.

Вина все эти дни в рот не беру. В квартире прибралась, в парикмахерскую сходилa. Книжки читаю. А муж пьет. Утром встанет, я ему завтрак приготовлю, рубашку поглажу, галстук подам. Смотрит он на меня, дивится. Ты, говорит, что это — будто бы трезвая?.. А я ему: «Хватит! Пить больше не стану». Это и есть тот момент, когда я наконец решилась... Ну, а потом — мужа в клуб привела...

Пришел с работы Виктор Петрович. И не один — с ним трое: веселые, шумные, молодые. Перезнакомились. Сели за стол. Качан с пристрастием поглядывал на хозяина: видно, как и я, не мог поверить, что этого крепкого синеглазого молодца еще недавно втаскивали в квартиру и, словно мешок с опилками, бросали в коридоре. «Главный инженер завода! — думал я. — Большого завода!.. И мог пропасть ни за понюх табака».

Один из приятелей хозяина стал с демонстративным недоумением оглядывать стол: дескать, не вижу главного. Хозяин сказал:

— Вина и водки в доме не держу. — И прибавил строго, почти приказал: — И вам не советую!.. — Потом смягчившись: — Говорят, в Ленинграде есть клиника, где профессор для больных и всех своих сотрудников установил сухой закон. Курить тоже запрещает. Как вы думаете? — обратился он к Шичко, — поймут меня на заводе, если и я... потребую того же?

— От всех потребуешь? — спросила жена.

— Ну, на всех моя власть не распространяется, а вот инженерный состав, мои помощники... Завтра же соберу и поговорю.

Два приятеля, пришедшие с ним, заметно смутились. Видно, перспектива полной трезвости их озадачивала.

— Мысль похвальная, — заговорил Шичко, — но я сторонник убеждения. Силовой прием тут плохой помощник. Вас могут обвинить в превышении власти.

— Признаться, и я этого опасуюсь. У нас в месткоме, да, пожалуй, и в парткоме есть сторонники «культурного» винопития, или сивушники, как мы их называли в клубе, — они-то уж не преминут напасть на меня за своеволие, но вы все знаете, какие задачи ставит новое время перед инженерией. Раньше у нас был инженер — штатная единица, а теперь нужен инженер думающий, творящий. Будь моя воля, я бы десять недумающих инженеров променял на одного думающего. А как он может думать, творить, если мозг его угнетен алкоголем? Я вот статью в «Правде» прочитал: «Алкоголь атакует мозг». Какие мысли!

Он, вынул из кармана газету, потряс над столом.

— Почитай нам, — сказала Вера Антоновна.

— Пожалуйста. Ну, хотя бы вот это место.

Он стал читать:

«Как же удается алкоголю — этиловому спирту, химическая формула которого до обидного примитивна, — забрать такую власть над человеком, взять в плен сначала его душу, а потом и тело!.. А ответ хранится в труднодоступном для исследователей месте — мозге. Потому что именно туда, оставляя в глубоком тылу пока не сдавшиеся крепости — печень, почки, сердце, — прежде всего устремляется лукавый враг. Алкоголь спешит скорее добраться до красных, командных кнопок управления, чтобы сделать человека послушным своей злой воле».

Инженер свернул газету, оглядел слушателей: ну, как, мол, впечатляет?..

Никто не спорил. А он продолжал:

— Нынё много говорят и пишут о тех, с кого за пьянство строже спрашивают. Называют руководителей, коммунистов, комсомольцев... Иногда можно слышать: учителей и врачам не пристало водить дружбу с алкоголем. А инженеры?.. а конструкторы? архитекторы? артисты? а журналисты? а писатели? — все те, кто по долгу своему, по служебным обязанностям должен творить, выдумывать?.. Да они и прав-то таких не имеют — туманить мозг. Ну, представьте столяра с тупым зазубренным топором!.. Слесаря с деревянным напильником!.. Токаря с восковым резцом!.. Смешно! Вы улыбаетесь, а инженер с пропитой физиономией, со страдальческой тоской в глазах — инженер, думающий только о том, как прошла бы его смена и он снова бы прилепился к пивному ларьку... Нужен ли такой инженер?

Наш хозяин говорил горячо и страстно. И этот внезапно прорвавшийся поток чувств был как бы компенсацией того жизненного просчета, который он допустил. Проблема пьянства инженеров, — а их на заводе сотни, — его глубоко, по-настоящему сейчас волновала. Нам казалось, он умышленно заострял проблему, ища у нас поддержки или каких-нибудь разъяснений. Произнося свои монологи, часто взглядывал на Шичко. Тот согласно кивал головой, улыбался — в задорно блестящих глазах его угадывалось восхищение учителя своим учеником.

Шичко сказал:

— Хорошо бы административные меры предвратить толковой беседой. Если хотите...

— Да, да, Геннадий Андреевич. Я думал об этом. Я очень прошу вас прийти к нам, прочесть лекцию — серию лекций. Они поймут. Люди умные — непременно поймут. В конце концов, для их же пользы...

Приближалось время отправления поезда, и мы стали прощаться. На пути к метро и в самом метро Качан молчал. Я тоже не заговаривал: понимал его особое состояние. Может быть, именно в эти минуты он принимал решения, способные возродить его к жизни — к той полнокровной счастливой жизни, о которой он мечтал в ранней юности.

